

взгляд писателя обращен к русским национальным традициям и характерам, воплощенным в судьбе о. Матвея, его сына Вадима, комиссара Скуднова, горбуна Алеши и др. Внимание Леонова и в конце творческого пути вновь обращено к тем событиям, что позволяют определить значительность национальной самостоятельности и стойкости.

¹ Вахитова Т. М. Леонид Леонов: Жизнь и творчество. М., 1984. С. 73.

² Кормилов С. И. Русская литература 20–90-х годов XX века: Основные тенденции и закономерности // История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена. М., 1998. С. 39.

³ Скатов Н. Н. Русская литература в первой половине XIX века // Литература в школе. 2004. № 1. С. 2.

⁴ Леонов Л. М. Твой брат Владимир Куриленко // Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1984. Т. 10. С. 90.

⁵ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 1. С. 64.

⁶ Леонов Л. М. Твой брат Владимир Куриленко. С. 90.

⁷ Леонов Л. М. Русский лес // Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1984. Т. 9. С. 190. В дальнейшем роман цитируется по этому изданию с указанием страницы в тексте.

⁸ Леонов Л. М. Послесловие Зарядью // Леонов Л. М. Собр. соч. Т. 10. С. 82.

⁹ Леонов Л. М. Факел гения // Там же. С. 161.

¹⁰ Леонов Л. М. Наша Москва // Там же. С. 83.

¹¹ Леонов Л. М. Немцы в Москве // Там же. С. 156.

¹² Ершов Л. Ф. Русский советский роман: (Национальные традиции и новаторство). Л., 1967. С. 229.

¹³ См.: Агеносов В. В. Советский философский роман. М., 1989. С. 165–167.

¹⁴ См.: Хрулев В. И. Леонид Леонов: Магия художника. Уфа, 1999. С. 153.

¹⁵ Ковалев В. А. В ответе за будущее: Леонид Леонов: Исследования и материалы. М., 1989. С. 152.

¹⁶ Леонов Л. М. Пирамида. М., 1994. Вып. 1. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 12.

И. С. Чернышева

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА (По творчеству А. Прасолова)

Задумываясь о своем времени, А. Прасолов дает ему краткую и страшную характеристику в сравнении с предыдущим столетием:

И прошлый век в сознание раннем
Звенел мне бронзою литой:

Там Пушкин стал у основания,
У изголовья – Лев Толстой.
А этот век... За взрывом – взрыв!
В крови страница за страницей...

Будущему поэту не исполнилось еще и двенадцати лет, когда немцы пришли в его родное село: "Летом сорок второго фашистское нашествие не только бомбами, но и коваными сапогами, протекторами колес достигнет Морозовки. Тяжелая, всезаполняющая лавина"¹. Подросток увидел войну "изнутри", спустя много лет поэт А. Прасолов рассказал об этом видении в своем творчестве.

Стихотворение "Рубиновый перстень" начинается метафорой:

В черном зеве печном
Красногривые кони...

Оно насыщено цветом: красный ("рубиновый", "красногривые", "стужок крови"), черный ("черный зев", "черные руки"), "синяя мякоть", "желтый череп", "мелом белены тигры"... Тревогой, холодом, смертью веет от этих образов.

Стихотворение написано человеком, который вспоминает свое детство в оккупации. О трагедии вторжения войны в жизнь ребенка красноречиво свидетельствует следующая деталь:

...виселица
С безответною жертвой
В слове "Гитлер"
Казалась мне буквою первой.

В первой части произведения говорится о попытке фашистов покорить русскую землю: к русской печке тянутся чужие руки с рубиновым перстнем – мальчишка носит дрова, чтобы в школе грелись немецкие солдаты.

В небе ракеты, на рейдере танки, в школе офицеры... Кажется, что все пространство заполнено фашистами и нет простора для вольного движения, но... Россия оказывается страной "непокорной", Германия – овдовевшей, а рубиновый перстень – "стужком крови бесславной"...

Однако не одна уверенность в победе слышится в стихотворении: "Что помогло мальчику увидеть не только трагедию своей нации и вину чужой, но и трагедию этой чужой нации, о которой размышлял в те дни великий немец Томас Манн, всю бездонность "беды всесветной"? Может, и вот это: среди пьяной вакханалии фашистов в русской избе одинокая фигура"²:

У печи, на поленья уставясь незряче,
Трезвый немец сурово украдкой плачет.
И чтоб русский мальчишка тех слез не заметил,
За дровами опять выгоняет на ветер.

Мальчишка видит слезы, которые для него превращают врага в человека. И нет радости в финале оттого, что немец погиб (весело герою потому, что пришли русские бойцы):

Из-под снега чернели
Немецкие руки.
Из страны непокорной,
С изломанных улиц
К овдовевшей Германии
Страшно тянулись.

“Человечно возросла и поднималась душа будущего поэта, целительно приобщаясь к народной, православной традиции милосердия, — когда лежачего не бьют, когда в поверженном враге видят еще и чьего-то отца, брата, сына, когда жажда мести пригашается прощающим состраданием”³.

Герой стихотворений “Тревога военного лета ...” и “Обреченная ночь” тоже мальчишка. “Детский взгляд на войну — это не только автобиографизм, формальное соблюдение правил хронологии. Здесь решается задача более сложного порядка, а именно стремление показать абсолютную несовместимость иконописного лика детства и страшных, дьявольских гримас войны...”⁴. Война страшна тем, что в одночасье разрушает тот привычный уклад, который с первых дней окружал подростка и формировал в нем веру в незыблемость миропорядка. С приходом всенародной беды рассвет в глазах героя приобретает “шинельную серость”, а вокзал — “осколочную оспу”. Храбрые и сильные воины, стать одним из которых мечтает каждый мальчишка, превращаются в “до жути короткое тело с тупыми обрубками рук”. Героика боя сменяется болью и страданием героев. Наступает прозрение юной души:

Забудь про Светлова с Багрицким,
Постигнув значение креста,
Романтику боя и риска
В себе задуши навсегда!

Но еще более жестоким оказывается урок, полученный лирическим героем “Обреченной ночи”. В распахнутую дверь он увидел, как русская девушка отдавала свою красоту фашистам. Мальчишку поражает не обилие еды (“Башни банок консерв-

ных, // И ядра голландского сыра, // И российские хлебы, // Округлые, как купола") – его пугает открывшаяся взору бездна безнравственности и бездуховности. "Европейские тонкие губы" пьют не только красоту девушки – они высасывают из души подростка веру в человека:

Неужели здесь – ты?
Не тебя ль я на площади видел,
Где, спортивного флага
Вонзая в зенит остриё,
Над землей первомайской
В живой пирамиде
Пело бронзой античной
Высокое тело твое!

Преданы идеалы родной страны, поругана мечта о большой и светлой любви... Как жить теперь тому, кого "просквозило из проклятой двери"?

К счастью, рядом с лирическим героем Прасолова оказываются и другие люди. Лексикон первой части стихотворения "Та ночь была в свечении неверном...", рассказывающей о бомбежке, вызывает страх: мрак с мохнатым черным ртом, стальная современная смерть, вой сирены. Но вошедшая в подвал девочка заставляет лирического героя позабыть о своем страхе и найти для нее слова ободрения:

А мрак пещерный на дрожавших лапах
Совсем не страшен. Девочка, всмотрись:
Он – пустота, он – лишь бездомный запах
Кирпичной пыли, нечисти и крыс.

Чистота юного существа помогает преодолеть ужас происходящего и приобщиться к "светлой тайне".

Но война в восприятии юного героя Прасолова прежде всего невосполнимые потери. Отец поэта погиб на фронте, об этом упоминается в одном из немногих автобиографичных стихотворений "Память".

Эпитафия "Жить розно и в разлуке умереть", взятый из Лермонтова, указывает на трагедию несостоявшейся встречи. Многие образы, созданные поэтом, вызывают горькое чувство: "ветер выел следы", "обожженный песок", "крутая горечь", "едкая память". <...> Вина отца тут размыкается на общую жизнь людей, разбавляется теми, "кого в ночь клевета родила". Но от этого она не становится меньше, горечь брошенности жжет нестерпимо... Какое горькое обобщение нашего русского беспут-

ства... Кто не разрыдается над этим зажатым в руке сиротским пряником, над этим смятым по нечаянности детством? Что может разбавить эту крутую горечь и каким вырастет с ней человек?"⁵

Лирический герой постепенно преодолевает тяжесть предательства. Сначала он считает отца виновным в разлуке, сравнивает свое отношение к нему с отношением к умершему человеку:

Так мы помним лишь мертвых,
Кто в сумрачной чьей-то судьбе
Был виновен до гроба.

Как детство могло противостоять обрушившимся на него бедам? Детское воображение создало свое государство, где вождем была справедливость.

И за каждую, даже случайную ложь
Там виновных поили касторкой или хинином.

Есть разлука на время ("жить розно"), а есть — навсегда ("и в разлуке умереть"). Отец погиб, когда "окровавились пажити". Беда, обрушившаяся уже на страну, помогла преодолеть "сыновнюю выношенную обиду":

Может быть, он не мог называться достойным отцом,
Но зато он был любящим сыном отчизны...

"Повзрослевши, он [лирический герой] вновь обретает отца, но уже не душой, а разумом, и не живого, а мертвого, погибшего на войне. Можно ли назвать это положительным итогом, разрешением коллизии?"⁶

О воздействии войны на душу ребенка Прасолов размышлял и в прозе. Осталась неоконченной его повесть "Жестокие глаголы".

Следует заметить, что такое название было дано произведению после смерти автора по настоянию В. Будакова. Существует мнение, что в одном из писем Прасолов как-то обмолвился: "...в повести "Жестокие глаголы" "глагол" — слово из старославянского или церковно-славянского языка, имеет духовную и нравственную наполненность... По отношению к данной повести это слово обозначает детские и подростковые годы, годы учения, когда маленькие люди постигают родной язык и литературу, мир во всей сложности, а порой и во всей жестокости, если годы их детства — это военные годы"⁷.

Работая над повестью, автор сделал запись в дневнике: "Я отложил прозу — свои "Глаголы". Или перепишу по-новому, или брошу, хотя чувствую, что вряд ли, — я как преступник,

возвращаюсь к содеянному. Ведь там же преступление. Без мысли о подвиге"⁸.

Действительно, вряд ли есть еще в русской литературе произведение о Великой Отечественной войне, где на тридцати страницах можно встретить такое количество несчастных, униженных, разуверившихся, струсивших, предавших...

Мы видим учительницу Анну Федоровну с "тоской одиночества" (ее муж на фронте), нас потрясает портрет матери, узнающей о приходе немцев: "...лицо, и без того измученное жизнью последних дней, таяло, точно теряло кровь". Вместе с героями повести читатель страдает из-за поруганного человеческого достоинства подростков: "Офицер... захватил вместе с телом рубашку на спине и на выпянутых руках попер нас обоих вперед со свирепой быстротой – мы еле успевали переступать по дороге". Хряский удар ящиком в грудь превратил Володьку Пестунова в раба, который двенадцать километров тащил ящики с патронами.

Перед фашистской чумой оказывались беззащитны и стар и млад: "В хвосте колонны шатался старик. В хлопчатобумажном пиджаке и брюках, выбеленных не за одно лето солнцем, он казался одетым на смерть. Два патронных ящика на ремнях качали старика из стороны в сторону, а медная проволока для прочистки мундштука, привязанная к деревянной трубке, которую он, застигнутый немцами, видимо, не успел даже вынуть изо рта, – эта проволока болталась на нитке, как маятник, отсчитывая шаги старика. У него достало сил только до окраины, где он сел прямо в пыль".

Образный ряд: "в хвосте колонны шатался", "качали старика из стороны в сторону", "сел прямо в пыль" – вызывает чувство щемящей жалости. Неизбежность трагической развязки показана через такие художественные детали, как выбеленную, словно саван, одежду и медную проволоку – маятник: идет отсчет последних шагов – остановится человек и остановится отпущенное ему время...

Рядом с "униженными" и "оскорбленными" галерея действующих лиц, попытавшихся спастись ценой предательства. Жарптица выходит встречать немцев, нарядившись и приодев детей. Яшка Серый из мирского балагура превращается в жестокого прислужника фашистов и занимается нумерацией домов, "зврякая в чужие окна". Помощник Лагоды теряет веру в победу над захватчиками, и это звучит в его язвительной речи: "Говорят, одна наша армия из окружения вышла – ночью и в лаптях. Через сонных немцев переступали, и те не слышали". Байстроу-

ков с младшим поваром бегут домой, не сумев смириться с тем, что их родные места заняли немцы.

Поруганной предстает вся русская земля, ее просторы обозначены диалогом псковитянина Лагоды и молодого солдата:

— Вон молнии над нашим краем играют...

— От моих давно уже и молнии не доходят, — печально сказал Лагода".

Война перевернула представление главного героя об окружающем мире. Теперь он видит водокачку как "гигантскую гранату, поставленную на ручку". Вражеские бомбардировщики, ползущие по небу, напоминают ему "темнокрылых насекомых". Закат он воспринимает так: "догорал еще один день нашествия".

Природа, часто выступающая в роли душевного лекаря, оказывается оккупированной немцами: "Да, на прохладной траве, не запыленной в этом мирном уголке, в тени вишен, сидя и полулежа, они завтракали... все это двигалось, чавкало, прилебывало, ерзало по траве и негромко разговаривало на странно звучащем языке". От солнца к земле идут не только теплые лучи, дающие жизнь, но и гул самолетов, несущих смерть.

Привычное в отблеске военного времени оборачивается чужой, неизведанной стороной. В правлении колхоза располагается комендатура, мирный урок о глаголе завершается бомбежкой, знакомое с детства и открывающее мир окно разделено желтыми бумажными крестами.

Ощутимым становится ограничение свободы: нельзя бежать домой огородами, на дверях должен быть прикреплен список жильцов, чтобы человек чувствовал себя "несвободным, сосчитанным, не имеющим права никуда отлучиться".

В наступившем хаосе утрачиваются бывшие ориентиры — мать для подростка перестает быть носителем истины: "Я отступил и замолчал, чувствуя вокруг себя зловещую пустоту, в которой были в равной мере бессильны и моя злость, и материнское сурово-горькое слово".

Где в этой "зловещей пустоте", в образовавшейся бездне найти опору подростку? Веру в ребяческих душах укрепляет учительница: "И однажды, когда она, разгоревшись, с каким-то героическим выражением на лице при последнем выдохе задорно и решительно трянула коротко подрезанными косами... я ощутил в себе такую поднимавшую меня силу, с какой можно кинуться куда угодно и совершить то, что непосильно тебе в иное время. Анна Федоровна во время бомбежки успокоила детей и быстро вывела их в убежище. Какой-то мужчина предупредил

мальчишек, мчавшихся огородами, что нужно идти открыто – иначе убьют. Героя воспитывало и хвастовство Володьки, который все-таки убежал от немцев, избавившись от ненавистных ему ящиков с патронами.

Сопротивление оккупантам крепло, когда подросток замечал, что немцы, опасаясь отравления, не пьют воду из деревенских колодцев. Его чуткая душа воспринимала события с народной точки зрения, выражением которой, по Ф. М. Достоевскому, являются осмеяние и осуждение: “Жар-птица скрылась в своих воротах, я думаю, она поспешила затем, чтобы не очернить себя до конца в глазах баб своим выходом навстречу немцам...”

Силу мальчишке давала его причастность к настоящему и прошлому России. От артиллеристов, стоящих в доме, герой узнал, что такое гаубица. Лагода научил чистить винтовку и позволил выстрелить из нее, повар же, угостив юного хозяина кашей, приобщил его к иной “жизни, которую называют армией”. Писатель продолжает традиции Л. Толстого, который понимает патриотизм как единение всех людей против врага. Достаточно вспомнить Пьера Безухова на Бородинском поле. “Мы радуемся и гордимся, когда возникшее сначала на батарее “чувство недоброжелательного недоумения к нему стало переходить в ласковое и шутливое участие”; вместе с солдатами батарее мы чувствуем душевную силу, возникшую и разгорающуюся в Пьере”⁹.

Лагода закрывает образовавшуюся брешь в отношениях сына и матери – воин возвращает мальчишке ощущение защищенности и незаблемости мира. С приходом бойца движение чужого войска за воротами воспринимается “как нечто приглушенное, по-ночному мрачное, но не могущее вторгнуться в комнату, в этот мирный круг света”. Само имя Лагода по звуковому составу напоминает “Ладога” (“дорога жизни” из блокадного Ленинграда). Лагода становится для героя духовным спасением. Именно он убедил “отрока в том, что начальное поражение – предвестник трудной победы, коль все мы – и давно выстоявшие у Дона на поле Куликовом, и ныне отступающие к Дону и еще бог весть куда – единый корень”¹⁰.

Лагода как бы связует собой настоящее и прошлое. Принесенные им славянские слова “громяще хоробрые псковичи немци на Чуди” органично соединяются с красным древним цветом на рисунках подростка, который “ревниво читает о Ледовом побоище, о сече на поле Куликовом, о Бородинском сражении. Стены хаты изрисовывает событийными картинками русского героического прошлого”¹¹.

Неудивительно, что юный художник молча протестует против нумерации своего дома и роняет протянутую ему кисть в пыль: для него важно сохранить человеческое достоинство на грани жизни и смерти.

Личность подростка формируется в жестоких условиях окружающей действительности под воздействием различных факторов. Почти в самом финале произведения помещен эпизод, переключившийся со сценой романа Л. Толстого "Война и мир": "А двое пленных, бывших при немецком обозе и хлебавших из котелка то, что им перепало с кухни, перестали есть..." (ср. "Солдаты окружили французов, подстелили больному шинель и обоим принесли каши и водки"¹²). Л. Толстой очень ценит в людях человечность. Этого качества лишен Наполеон, посылающий людей на гибель; Кутузов же, напротив, всегда стремился сохранить жизнь солдат. "Это же естественное – по мысли Толстого – чувство человечности живет теперь, когда враг изгнан, в душах простых солдат; в нем и заключено то высшее благородство, которое может проявить победитель"¹³. А. Прасолов исподволь старается разглядеть человеческое в надвигающейся железной лавине фашистов, точно так, как гениальным зрением поэта он увидел трагедию Германии в "Рубиновом перстне". Автор понимает и пытается донести до нас, что жизнь гораздо шире общепринятых точек зрения на нее, ее полнота не умещается "для человеческого сердца в промежутке между запахами материнского молока и могильного тлена".

В "Жестоких глаголах" прорвется интерес Прасолова к запредельному. В рассказе старухи о девушке, утопленной водяным чудовищем, для героя больше реальности, чем в утверждении, что старуха была когда-то молодой. Детское воображение легко признает необычное и все время стремится к его постижению. В "Жестоких глаголах" читаем: "Так я и вижу: тело, облепленное белой сорочкой, руки вскинуты, как у летящего в пропасть, волосы, размываемые стремительной водой, волнообразно колеблются, а нога девушки захвачена зубастой пастью". Зло не всегда объяснимо: "...исходы прасоловской трагедии не только социальные и национальные. Но и более всего духовные. И даже космические. Прасолов видит не только кончину деревенского уклада на малой родине, не только русское пепелище, но и грядущие катастрофы земного мира, смерть солнца, жатву бесконечных времен"¹⁴.

Герой повести подсознательно чувствует, что вина за происходящие в мире катаклизмы лежит и на отдельном человеке.

Трагическая истина, непосильная для детских плеч, открывается в словах соседки: "У, ирод! Стрелы твои – вешие стрелы. Допулялся в небо – кару бог послал на землю: птица побивает птицу, человек человека".

Один из часто повторяющихся образов в произведении – самолеты. Созданные рукою человека стальные птицы несут гибель и разрушение. Повесть начинается с упоминания о газетах, на страницах которых были изображены контуры немецких самолетов – "все эти разновидности летающей смерти". Вражеский бомбардировщик в одно мгновение превратил часть речи в глаголы войны, жестокие глаголы: развернулся, сделал крен, оторвалась бомба, прибил всех к партам... Мальчишка рисует на стене "юнкерсы" и "мессершмиты" и стреляет в них из лука – таков его почти магический обряд уничтожения зла. Серебристый самолет с красными звездами, пусть сбитый фашистскими истребителями, дарит героям повести надежду. И дело не только в том, выживут ли пилоты, – главное в небе появился "бостон" с красными звездами, предвещающими конец оккупации. Немцы еще не поняли этого, поэтому смотрели на самолет с недолгим любопытством. Герой же произведения с тех пор стал жить с постоянным ощущением неба. "Да, над повестью грозяще нависает небо войны. Небо вражды. Фашистский бомбардировщик тяжело накреняется, чтобы сбросить смерть... Но ведь и бомбардировщику, и коршуну – недолгий час. Они улетают. А небо, ясное или облачное, дышит вечностью, озаряет или опалает мир солнцем, мерцает безднами зарниц"¹⁵. Небо в финале становится символом спасения как физического, так и духовного.

"В последнем абзаце повести А. Прасолова соединились два речевых "потока" – рассказчика-подростка и рассказчика – со-рокалетнего человека. Первый завершал воспоминания мальчишка: "С этого дня я стал жить с постоянным ощущением неба над собой". А последняя фраза зрелого человека: "Небо, небо, каким только не было оно в моих обращенных к нему глазах!" содержит в себе опыт человека, прожившего 1942 год, пережившего 1943-й – год освобождения Воронежского края от оккупантов, 1945-й – год взятия Берлина и окончания второй мировой войны, год Победы"¹⁶.

Может быть, оно притягивает его взор и потому, что мальчишке суждено стать избранным – поэтом, творцом, призванным в мир хранить память народа и будить совесть в людях. Лагода просит его запоминать события – и он запоминает, чтобы по-

ведать о происшедшем нам и тем, кто будет после нас, чтобы не прервать нить времен.

¹ Будаков В. Одинокое сердце поэта // Роман-журнал XXI век. М., 2003. № 7. С. 14.

² Пикач А. "Я услышал: корявое дерево пело" // Звезда. 1979. № 6. С. 211.

³ Будаков В. Указ. соч. С. 15.

⁴ Акаткин В. М. Глаголы войны // Филологические записки. Воронеж, 2000. № 14. С. 102.

⁵ Акаткин В. М. Высоким курсом... // Алексей Прасолов. "И душу я несу сквозь годы...". Воронеж, 2000. С. 538.

⁶ Акаткин В. М. Высоким курсом... С. 538.

⁷ Вишина Г. В. Повесть Алексея Прасолова "Жестокие глаголы" в контексте времени и места действия // Вестник ВГУ. Сер. лит. и яз., гуманитар. науки. 2001. № 1. С. 18.

⁸ Прасолов Алексей. "И душу я несу сквозь годы...". С. 419.

⁹ Долинина Н. Г. По страницам "Войны и мира". М., 1996. С. 234.

¹⁰ Будаков В. Указ. соч. С. 14.

¹¹ Там же.

¹² Толстой Л. Н. Война и мир. Фрунзе, 1968. Т. 4. С. 610.

¹³ Долинина Н. Г. Указ. соч. С. 306.

¹⁴ Будаков В. Указ. соч. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ Вишина Г. В. Указ. соч. С. 21.

Н. Н. Золототрубова

ЭПИЧЕСКОЕ НАЧАЛО ВОЕННОЙ ПРОЗЫ

К. Д. ВОРОБЬЕВА

К. Д. Воробьев как писатель "военной прозы" оказался востребованным в последнее десятилетие. Интерес к нему и своеобразное открытие писателя совпали с выходом в свет его повести "Это мы, Господи!" (1987), написанной в 1943 году в литовском подполье. Первая повесть оказалась завершающей книгой писателя, но вместе с тем дала толчок более внимательному и вдумчивому прочтению его произведений. О творчестве Воробьева пишутся критические статьи, научные диссертации¹. Книжки Воробьева всегда не оставляли равнодушными читателей. Но критическое рассмотрение его произведений литературоведами обходило вниманием наследие писателя.

Тому есть несколько причин, одна из которых кроется, как нам кажется, в самой личности писателя. В основу его повес-